

— Снова вы, братья, — с улыбкой проговорил старый доктор. — Садитесь, я посмотрю.

Чжун Мин нередко обращался в медицинский зал доктора Ли в уезде Цинпу. Ли-ланчжун не раз вставал по ночам, когда старший из братьев стучался к нему с просьбой осмотреть младшего, и с тех пор хорошо их запомнил.

Впрочем, как тут было не запомнить — в округе и без того не так уж много людей воды, а тех, кто ещё и готов платить за приём и лекарственные травы, и вовсе по пальцам пересчитать. Да и оба брата приметные: лицо у Чжун Мина не из простых, говорят, до сих пор и к свахам не обращался. Если бы не его происхождение, небось, свахи бы уже порог с землей сровняли.

— В те дни шёл сильный дождь, — рассказал Чжун Мин, — боюсь, простыл. Кашляет, но температуры нет, аппетит в норме.

Он водил младшего к врачу так часто, что давно знал, какие вопросы последуют. Чжун Хань тем временем послушно положил ладошку на подушку для пульса и уселся прямо, изо всех сил стараясь держать спину.

Ли-ланчжун провёл пальцами по бороде, нащупал пульс, задержался немного, потом отнял руку.

— Обычная простуда, — спокойно заключил он, — холод пробрался в лёгкие. Ничего серьёзного. Я выпишу рецепт, пусть пьёт пять дней, дополните еду подходящими блюдами — за семь дней всё пройдёт. Если кашель останется — приходите.

Едва речь зашла о лекарствах, Чжун Хань тут же дёрнул брата за рукав и шепнул:

— Старший брат, не забудь про леденцы из мушмулы...

Но эти слова не ускользнули от ушей врача. Он тут же отозвался:

— Мушмула по свойствам холодна, при простуде ни в коем случае нельзя.

Чжун Мин мысленно поморщился — сам виноват, что однажды пообещал. Он мягко ткнул младшему в щёку, которая тут же обиженно надулась:

— Ребёнок же, не хочет он пить лекарство. Раз уж мушмулу нельзя, не подскажите, чем бы подсластить пилюли?

— Можно взять сушеную цедру и грушевый сироп, — ответил Ли, продолжая выписывать рецепт, — или купите свежих груш, сварите с чуань-бэй.

(ПП: Чуань-бэй — это китайская лекарственная фритиллярия/рябчик лекарственный, используется при кашле.)□□

«Второй вариант, признаться, тоже не сказать чтобы сладкий», — подумал Чжун Мин, но всё же заинтересовался, сколько стоит грушевый сироп. Узнав, что маленькая баночка — два цянтя серебра, купил одну. Делали это средство густым, варили долго, а впрок хватало надолго — на один раз нужно буквально капельку, снятую кончиком палочки. Даже если сейчас сироп не израсходуют, останется на потом — вещь в хозяйстве полезная.

Пока Ли-ланчжун выписывал рецепт, аптекарский ученик забрал его и пошёл к шкафам набирать снадобья. Пять порций — по одной на каждый день, каждая порция рассчитана на два приёма, а стоила ни много ни мало — пятьдесят вэнь. Сумма набежала пугающая, больше четырёх цянней серебра, но Чжун Мин и бровью не повёл. Он знал: если сберечь на болезни копейку, потом выложишь за неё десять. Раньше или позже, но недолеченное всегда аукнется.

Пока лекарь был свободен, Чжун Мин подошёл и спросил:

— У вас здесь есть какие-нибудь готовые средства от простуды? Я бы купил немного, держать про запас дома.

С прошлой жизни он запомнил главное: понапрасну надеяться, что всё пройдёт само, нельзя. Теперь он ко всему старался быть готов. Вот и в этот раз — у младшего первые признаки начались ещё два дня назад, но из-за шторма никуда не выбраться. Если бы заранее дома лежало подходящее лекарство, можно было бы дать ему сразу пару пилюль, и не пришлось бы полночи не спать, слушая, как он кашляет.

— Есть, разумеется, — кивнул Ли-ланчжун. — Но дёшево такие препараты не стоят, и хранятся с оглядкой: если отсыреют, всё пропадёт.

— Когда человек болеет, он меньше всего боится тратить деньги, — спокойно сказал Чжун Мин. — Боится он другого: что деньги потратит, а толку не будет.

Как это было с его матерью. Лекарства покупали, лечили, тратили всё, что было, а она день ото дня всё худела, превращалась в один скелет... и в итоге навсегда закрыла глаза.

Ли-ланчжун отложил в сторону несколько листков с записями пульса и с одобрением улыбнулся:

— Умный ты, молодой человек.

Если бы он заранее не знал, что людям воды нельзя ходить в школу, а в их деревнях и вовсе запрещено строить учебные заведения, то решил бы, что этот парень, должно быть, читал какие-то книги. В его глазах, люди воды в большинстве своём — люди тёмные. Заболеют — не

бегут к врачу, зато бегут к шаману. Бывали времена, когда в прибрежных уездах повсеместно ставили языческие алтари, возводили храмы и капища, народ туда шёл толпами, а деньги уходили рекой. Пока из столицы не пришёл указ: снести всё, что не угодно Небу. И только после этого ситуация стала понемногу выправляться.

А тут перед ним — человек воды, да ещё с такими понятиями. Необычно, что и говорить.

Он прошёл за стойку, там какое-то время копался, а потом вынес два ящичка с лекарствами.

— Простуда, строго говоря, тоже бывает разная — с холодом и с жаром, — сказал он, открывая коробки. — Если холод, то знобит, всё тело ломит, чувствуется слабость, а мокрота — белая. А если жар — то горло першит, глаза воспаляются, дыхание жаркое, а мокрота жёлтая. Их нельзя путать.

Он придвинул ящички поближе к Чжун Мину, показывая:

— Вот здесь два вида пилюль. Первые — цзювэй цянхуо вань, помогают при простуде с ознобом, изгоняют ветер и открывают наружу. Вторые — цюнцзюй шанчин вань, снимают жар, очищают внутреннее, помогают при головной боли. Обе в виде крупных медовых шариков, запиваются тёплой водой, по одной за раз.

Ли-ланчжун говорил неспешно и обстоятельно, разжёвывая каждое слово, после чего велел лекарскому ученику отмерить по десять штук каждого вида.

— Эти пилюли покрыты восковой оболочкой, если она цела — можно хранить очень долго. Всего с тебя двести монет.

Чжун Мин, бывая в аптеке не впервые, знал, что такие пилюли стоят куда дороже десяти монет за штуку, и потому был искренне признателен старику.

Забрав отвар, пилюли и рецепт, он с младшим братом отправился дальше: сперва заправились кунжутным маслом и соевым соусом, а потом, как водится, завернули на зерновой рынок — справиться о ценах на рис.

Нынешний урожай риса вот-вот должен был поступить в продажу, поэтому старое зерно уже начинало дешеветь. Грубый рис подешевел особенно: раньше двадцать монет за шэн, теперь пятнадцать. Белый, более дорогой, упал в цене совсем незначительно: вместо тридцати восьми — тридцать пять.

В уезде Цзююэ земли немного, в основном горы, к тому же на берегу почвы скудные, рис растёт плохо, вкус у него никакой, урожайность низкая, прокормить целый уезд невозможно. Вот и приходится завозить зерно из других мест, с севера, на больших баржах, а раз так — дешёвым оно быть не может. В урожайный и спокойный год новый рис в других уездах стоит

чуть больше десяти монет за шэн, а в Цзююэ даже старый не найти по такой цене.

Чтобы купить дешёвого зерна, придётся подождать ещё несколько лет.

В прошлой жизни он слишком рано покинул родные места, многое знал только по рассказам земляков, которые уезжали позже. Говорили, что спустя несколько лет новый уездный судья завезёт с севера особый сорт риса, способный расти даже на солончатых прибрежных землях.

Так что жить всё же есть ради чего, и надежда вперёд — не пустая.

— Один доу грубого риса и два шэна белого.

Раз в кармане сейчас было не пусто, Чжун Мин взял больше, чем обычно: чем больше покупаешь, тем больше экономишь. Мешков для риса из дому он с собой не брал, потому велел работнику лавки подобрать два мешка и упаковать туда рис. За каждый мешок положено было оставить залог в две медные монеты, договорились: в следующий раз вернёт мешки обратно.

Мешки с рисом вышли не из лёгких, но Чжун Мин нёс их без всякого труда. Чжун Хань держал старшего брата за руку, вертел головой и глазел по сторонам с нескрываемым восторгом. Он ведь редко бывал в уездном центре, а уж если и приезжал, то только когда сильно болел, какое тут гуляние?

Южная улица, где стояла лавка с зерном, всегда кипела жизнью: ларьки, прилавки, уличные торговцы плечом к плечу; кто-то проходил мимо, неся коромысло с корзинами, громко выкрикивая товар. В одних — хрустящая зелень, в других — золотистая мушмула, румяные персики, в третьих — тёмно-пурпурные ягоды восковницы, скрытые в свежих зелёных листьях.

А ещё там были торговцы мелкими вонтонами, жареными лепёшками, оладьями с устрицами... Все эти запахи, перемешиваясь в воздухе, дразнили нюх и вызывали аппетит — жирный, хрустящий, обволакивающий.

Чжун Мин окликнул продавца жареных лепёшек и за четыре монеты купил одну — брату на угощение. Такие лепёшки делали из рисовой кашицы и бобов, потом жарили в масле, поэтому даже лепёшка размером с ладонь стоила немало — вроде бы и не дёшево, но взрослому мужчине вроде Чжун Мина этого хватало на два укуса.

Чжун Хань обхватил лепёшку двумя руками и с довольной миной начал уплетать, не забыв при этом отломить кусочек и предложить брату. Чжун Мин, конечно, не стал отнимать у него угощение — просто склонился и откусил скромный серпик у края.

— Брат, мы ещё погуляем? — спросил Чжун Хань, облизнув пальцы.

— Пройдёмся ещё немного, — кивнул Чжун Мин.

В другое время он бы уже давно увёл младшего домой, но сегодня в мыслях всё вертелся вопрос с благодарностью для Су И. Он и сам хотел, как говорила Ни Умэй, разобраться, в чём тот нуждается, чтобы прямо это ему и купить — так не выйдет впустую и будет по делу.

Но тот гер не только ничего не говорил, он и вовсе не хотел ничего брать.

— Я ведь всего пару слов сказал, — тогда ответил Су И. — Даже твоё «спасибо» мне ни к чему, куда уж там о подарке, не хочу его получать, мне стыдно даже подумать.

В тот раз Чжун Мин хотел было просто поделиться двумя лобстерами, говоря, что те с глубин сами в руки пришли, даром достались, пусть он заберёт — поест. Но и тогда Су И решительно отказался.

- Даже если бы ты и дал мне — у меня ведь нет очага, чтобы это приготовить. Принесу на лодку, в конце концов всё равно окажется у тётки, — тогда сказал Су И.

Вспомнив о бесстыдной натуре Лю Ланьцао, Чжун Мин, разумеется, не захотел, чтобы добытые с таким трудом лобстеры попали в рот той женщины, потому и пришлось отказаться от этой идеи. Так он и оказался в затруднении: что же теперь делать? Плёлся, не глядя по сторонам, и вдруг взгляд зацепился за лавку со сладостями.

Это был магазин, выходящий окнами на улицу, но хозяева вынесли лоток прямо ко входу, чтобы привлечь покупателей. Чжун Мин подошёл ближе, ступил на одну из ступенек и спросил:

— Где тут грушевые леденцы и конфеты из чёрного кунжута?

Немного раньше он слышал, как продавец азартно зазывал прохожих, рассказывая, что грушевые леденцы помогают от кашля и успокаивают лёгкие, а кунжутные конфеты укрепляют кровь и темнят волосы. Раз уж он уже купил для младшего брата грушевый сироп, то подумал, что такие леденцы тоже подойдут. А эти сладости и телу впрок, и на вкус приятны, к тому же не так привлекают внимание, как лобстеры — Лю Ланьцао их точно не отнимет.

Он велел работнику отвесить понемногу того и другого, всё это завернули в промасленную бумагу, перевязали бечёвкой, и он убрал свёрток за пазуху — больше никаких забот.

Только как теперь это передать Су И — вот в чём был настоящий вопрос.

Он обнаружил, что если не повстречается с Су И в деревне или в заливе случайно, то, кроме лодки семьи Лу, совершенно не знает, где можно того искать. Поэтому пока лишь убрал свёрток с угощением подальше, а завтра отправился в горы рубить бамбук для гарпуна — с намерением пройти там подольше и, может, где-нибудь наткнуться на него. Но и за весь день ни разу не увидел.

После полудня пришёл третий дядя разыскать зятя Тан Дацяна и племянника Чжун Мина.

— Отдохнули два дня — хватит, сезон на медуз короткий, я вот с Лао Сы посоветовался: с завтрашнего дня снова выходим в море.

На самом деле, с выловом медуз тянуть нельзя: те, что успели добыть в дни перед ураганом, уже приготовлены, набралось сотни катти, на вид вроде бы много, а на деле — как поделят на всех, и останется-то ничего. Чтобы достойно встретить Новый год, всё равно придётся потрудиться.

— А то. Я сам собирался к вам зайти обсудить. Два дня уж прозябаем, пора бы выйти на воду. Те же самые пойдут?

— Те же. Только у Шоу Цайцзя лодка починилась, он в этот раз тоже выйдет.

Тот, у кого есть лодка, делит прибыль по полной, а кто только рабочую силу отдаёт, как Чжун Мин, тому и серебра отсыпят поменьше. Хорошо хоть, что во время ожидания, пока медузы в сети попадут, он сам может нырять и добывать — два дела в одно время, обеими руками зарабатывать.

Договорившись о выходе в море, третий дядя Чжун заметил, что Чжун Мин всё это время сидел, строгая бамбук.

— Что это ты, для чего готовишь? Для рамы под креветочную сеть или удочку?

Чжун Мин покачал головой и прямо сказал:

— Думаю сделать подводную рогатку.

*Грушевые конфеты □ □ □

Кунжутные конфеты □□□ □

<http://bllate.org/book/13583/1204996>